

Социализм: теория и практика

К. Маркс разделил мировую историю на этапы по принципу производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и вершина развития человечества – будущий бесклассовый коммунистический (социалистический) строй. Как писал самый верный ученик Маркса и самый преданный его сторонник В.И. Ленин, социализм «происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действия такой общественной силы, которая рождается капитализмом». Он же писал: «Победа коммунизма неизбежна».

Оказалось, однако, что в древности был еще один строй, который был бесклассовым и строго соответствовал основополагающему принципу социализма: «От каждого по способностям, каждому по труду». Одни историки называют его «азиатским способом производства», другие – «первобытным социализмом», третьи – «патриархальным социализмом». И происходил этот строй вовсе не из капиталистического, а из первобытно-общинного строя. Понимая, что вся стройная иерархия его «научной теории» рассыпается, К. Маркс (с активной помощью Ф. Энгельса) старался всякими способами, в том числе и жульническими, обойти возникшее препятствие, а советские историки без зазрения совести относили этот строй к рабовладельческому – лишь бы угодить «вечно живому учению».

Этот строй существовал в Древнем Египте, Месопотамии (Шумер и Аккад), в Доколумбовой Америке (империи инков и ацтеков), в Китае и ряде других стран. Различаясь отдельными деталями, он имел ряд общих черт. Практически вся экономика – земля и ее плоды, материалы и ремесленные изделия из них, водные пути и транспорт – принадлежали государству в лице царя (фараона, императора), который считался божеством. Труд был коллективный, но вовсе не из идейных, а из сугубо практических соображений. Большинство государств находилось в зонах орошаемого земледелия, требующего грандиозных ирригационных сооружений, для возведения которых были необходимы большие, хорошо организованные людские массы.

По мере усиления власти монарха и централизации управления коллективный труд распространялся и на другие области экономики – сельское хозяйство, строительство дорог, храмов, дворцов, пирамид, крепостей (в их числе была и Великая китайская стена). Например, в Древнем Египте и Месопотамии трудовое население работало по принципу трудовых армий, которые состояли из более мелких подразделений (разной численности, в зависимости от объемов работ) и могли перебрасываться с одного «трудового фронта» на другой. Сельские отряды получали из «госрезервов» семена и рабочий скот и туда же сдавали выращенную продукцию. Ремесленники были тоже объединены в отряды (типа гильдий). Государство выдавало им материалы и забирало готовые изделия. Зарплату, в виде питания и одежды, члены всех отрядов и их начальники получали от государства «по труду». Руководили отрядами чиновники разного уровня, они несли полную ответственность за результаты работы и получали, понятно, побольше. Учет расходов и доходов и учет трудовых ресурсов был поставлен на высшем уровне («Социализм есть учет!»). Ответственность несли и губернаторы (номархи) за дела в своих губерниях. Чиновники высшего ранга составляли правительство, которое, как и любое правительство, занималось вопросами государственной экономики, обороны, внутренней и внешней политики.

Рабским такой труд назвать нельзя – у людей была свобода, пусть и ограниченная. Они и праздники отмечали, и в эти дни меню их было побогаче. Рабы тоже были, но состояли они преимущественно из военнопленных либо из своих сограждан, осужденных за преступления, но существенного вклада в экономику они не вносили.

При всей простоте производственных отношений в древних государствах были высоко развиты искусство и наука – прежде всего, математика, астрономия, архитектурно-строительное дело и растениеводство. Этим занимались жрецы в храмах. В частности, 12-

ричная система счета (12 месяцев в году, 24 часа в сутках, 60 минут в часе) до нас дошла из Древней Месопотамии, а «египетский треугольник» – из Древнего Египта. Таким образом, перечисленные государства были хотя и сословными, но бесклассовыми – единственным «эксплуататором» там был царь (император, фараон), т. е. само государство.

Это – из истории практического социализма. А что было в теории? Ленин в своей дореволюционной работе «Три источника и три составных части марксизма» («составных части» в то время, наверное, не считались безграмотностью) написал, во-первых, что «учение Маркса всеильно, потому что оно верно» (аргумент убийственный! Можно и наоборот: «верно, потому что всеильно»), а, во-вторых, что марксизм есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма».

XX век показал, что учение Маркса не всеильно, не верно и уж совсем не научно. Но остановимся не на этом, а на одной его составной части – французском социализме, который Ленин назвал утопическим, т.е. реально не осуществимым. Не осуществимым потому, что утописты, по мнению Ленина, не указали путь к социализму – классовую борьбу. Это сделал Маркс. Однако сам социалистический строй, предлагаемый социалистами-утопистами, Ленин не отвергал. Что же это был за строй?

Социалистические идеи как реакция на имущественное неравенство, эксплуатацию и социальную несправедливость появились в глубокой древности, задолго до французских социалистов. Первым, кто их достаточно системно изложил, был древнегреческий философ **Платон** (428/27 – 348/47 гг. до н. э.). В книге «Государство», написанной в форме диалога (вопрос – ответ), он рассмотрел несколько систем государственного строя и в качестве идеального определил аристократию – «власть лучших». «Лучшими» он назвал философов – людей высоконравственных и с особо выдающимися умственными качествами, владеющих знаниями в разных областях государственного управления – политике, экономике, дипломатии, военном деле.

В этом государстве, кроме аристократии, предусматривалось еще два сословия – стражи и самое низшее – земледельцы и ремесленники. Третьему сословию Платон внимания не уделил и никаким регламентом не ограничил, а вот о стражах написал подробно. У них должна быть общность имущества, отсутствие всякой частной собственности, «кроме своего тела». Труд сословия стражей распределяется по способностям. Каждый пожизненно прикрепляется к своей профессии, «не отвлекаясь ни на что другое». Смена профессии исключается.

«Стражи живут сообща и питаются все вместе, один раз в год получая продовольствие от земледельцев, которых стражи охраняют». Женщины и дети тоже являются общими, но неупорядоченные половые отношения запрещены, и потому общность жён – не буквальная. Деторождение регулируется государством для отбора лучших, получения здорового потомства. С этой целью лучшие совокупаются с лучшими, а худшие с худшими. Потомство худших уничтожается, а потомство лучших воспитывается государством. Женщине разрешается иметь детей с 20 до 40 лет, мужчине с 25 до 55 лет. Дети, рождённые вне этих рамок, уничтожаются. Особые лица воспитывают детей стражей всех вместе, в итоге дети не знают родителей, а родители детей. Платон, конечно, не знал, что воспитанные таким способом дети отстают в своем развитии уже на третьем году жизни. Но Маркс-то, наверное, знал (о нем ниже) – наука к тому времени шагнула далеко вперед.

Граждане этого государства – братья, но они не равны, так как боги, творя людей в недрах Земли, примешали одним (философам) золото, другим (стражам) серебро, третьим (земледельцам и ремесленникам) медь или железо. Однако неравенство это не наследственное, социальный «лифт» существует. По результатам сдачи выпускных

школьных экзаменов способные дети стражей могут переходить в правящее сословие, а неспособные дети правителей – в сословие стражей.

Провозглашается здоровый образ жизни, активные занятия гимнастикой, в результате чего медицина теряет свое значение: кто болен, «не способен жить», того незачем лечить, а людей с порочной душой и неизлечимыми болезнями врачи сами умертвляют.

Социализм, надо признаться, жутковатый, с полным подавлением личности, с тираническими законами и с очень жесткой цензурой. Разрешаются только мифы, воспитывающие здоровый дух и преданность государству. Все иное, в том числе Гомер, отменяется (знакомая картина!). За отбором произведений искусства следят стражи.

Интересно то, что книга Платона была написана после падения Афин в Пелопоннесской войне, результатом чего стало уничтожение афинской демократии, небывалое расслоение населения и безудержная эксплуатация низов, когда социальная несправедливость резко обострилась. Высказанные Платоном идеи социализма нашли свое продолжение в комедиях Аристофана и в более поздней литературе древних греков.

Следующее произведение, оставившее яркий след в истории социализма, было создано почти через две тысячи лет, в 1516 году, в эпоху Раннего Возрождения. Это книга видного английского государственного деятеля (лорд-канцлера), писателя-гуманиста **Томаса Мора** (1478 – 1535) «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» или просто «**Утопия**» (букв. – «Идеальное место»). Написана она была на латинском языке в период начавшегося в Англии «огораживания» (разрушения сельских общин и сгона крестьян с земли для использования ее лендлордами под овцеводство), приведшего к ужасающей нищете основной массы населения. Это обстоятельство привело Мора к мысли о том, что источник всех пороков и бедствий – деньги и частная собственность.

На «острове» Т. Мора 54 абсолютно одинаковых города, с одинаковой планировкой, домами и улицами: «кто знает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии» (это нам тоже знакомо). В каждом городе по 6 тыс. семей, в каждой семье по 10 – 16 взрослых, т.е. население города – порядка 100 тысяч человек. Каждая семья занимается определенным ремеслом, а пригородные земледельцы образуют «сельские семьи», в которых каждый горожанин, достигший совершеннолетия, обязан отработать не менее двух лет.

Власть в Утопии выборная. Ежегодно из 30 семей избирается «отец» – филарх (букв. – любимый старший). 10 филархов избирают из числа ученых старшего над ними (протофиларха), а на вершине стоит князь (адем), которого филархи избирают из кандидатов, предложенных народом, и который получает пожизненную власть (если только не прощрафится по-крупному). Наиболее важные решения принимают народные собрания, они же избирают должностных лиц (чиновников) и заслушивают их отчеты.

В отличие от Платона, Мор семью сохранил, но в остальном жизнь утопийцев регламентировал тоже строго. Денег в Утопии нет, товары люди получают с государственных складов по потребностям (учитывая возвышенную скромность утопийцев, потребности их весьма скромны и лишнего они сами не хотят). Все люди там равны (но филархи и протофилархи, надо полагать, «равнее»). Все обязательно трудятся по 6 часов в день под надзором старших, а освобождаются от трудовой повинности чиновники и те, кого чиновники направляют «для прохождения наук». Остальное время жители проводят в культурном досуге – коллективно занимаются искусствами, слушают научные лекции и т. п.

У всех одежда одинакового цвета, покрой различается только у мужчин и женщин. Двери их домов не закрываются, и посторонний может входить в них беспрепятственно. Чтобы попасть в другой город, нужно письменное разрешение князя с указанием даты возвращения (это хорошо знакомо нашим крестьянам в период с 1932 по 1974 г., когда они были лишены паспортов и не имели права переехать в город, даже надолго

отлучиться из деревни). Если кто-то вышел без разрешения, того возвращают как беглого и сурово наказывают, а за вторичное нарушение закона обращают в рабство.

Равенство равенством, но рабы, закованные в цепи, в Утопии тоже есть. Это не только «беглые», но и военнопленные, и выкупленные из других городов преступники, приговоренные там к казни, и свои правонарушители. Кто-то же должен выполнять самые тяжелые и грязные работы!

Еще через сотню лет, в 1623 г., в эпоху Позднего Возрождения, на латинском языке была издана книга «Город Солнца» доминиканского монаха **Томмазо Кампанеллы** (1569 – 1639). Главная идея у него та же, что у Платона и Мора – вред денег и частной собственности, но в общественном устройстве есть отличия.

Все солярии (*от лат. Sol* – «Солнце») одновременно бедны и богаты. Бедны потому, что у них нет ничего своего, богаты потому, что у них есть всё (как в советской песне: «...все вокруг колхозное, все вокруг мое», но у колхозников было все-таки свое жилище, личное имущество и приусадебное хозяйство). У соляриев нет даже собственных кроватей, все спят в общей спальне, и раз в шесть месяцев начальник производит перемену мест. «...всё, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем следует, никому, однако, не отказывая в необходимом». Питаются солярии в общих столовых, однако «должностные лица получают большие и лучшие порции».

Наличие собственной жены, собственных детей и собственного жилища воспитывает в человеке себялюбие, эгоизм и нарушает общественное единство и братство, поэтому у соляриев нет семьи. Дети, после вскармливания грудью, полностью переходят в руки государства, которое прививает им знания и всевозможные добродетели. Но это не просто дети, а лучшие дети, дети выведенной породы, ибо производятся они на свет «в должном порядке» и на строго «научной основе».

«Производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам». В зависимости от расположения звезд власти сами решают, какие из них сойдутся и когда. А «ежели женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется бесплодной, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом». То есть рождение детей уподобляется выведению пород скота. Поскольку дети не знают своих родителей, а родители – своих детей, то всех, кто старше на 22 года называют отцами, а тех, кто младше на 22 года – сыновьями, остальных – братьями. Любовь мужчин и женщин и даже дружба мужчин или женщин не поощряются, потому что нарушают общность и единство людей.

Труд обязателен для всех, даже для стариков и увечных (в меру их физических возможностей), но не обременителен. Физическая работа длится только 4 часа в день, остальное время посвящается искусствам, наукам, совершенствованию умственных и физических способностей – разумеется, под присмотром должностных лиц. Повзрослевшие дети, получив необходимые знания в науках и ремеслах, направляются своими начальниками в трудовые отряды, в зависимости от способности к тому или иному ремеслу (наименее способные – в деревню). Во главе отрядов стоят десятники, полсотники и сотники.

Мужчины и женщины носят одинаковую одежду, отличающуюся только длиной плаща. «Они (солярии – *В.Г.*) подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо или стала бы ходить на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом», т. е. индивидуальность даже во внешнем виде не допускается.

Как видно из приведенного, все три философских труда начинаются с запрета денег и собственности, а заканчиваются полным подавлением личности и выравниванием всех «на одно лицо», т. е. не равенством, а тождеством. Тем не менее, как считают сами авторы трудов, люди у них имеют **свободу** (могут заниматься любимым делом в свободное время, но коллективно), **равенство** (ни у кого нет ничего своего) и **братство** (все безукоризненно нравственны, служат обществу, а не себе, и называют друг друга братьями).

Социалистические идеи в той или иной мере пытались осуществить в средние века в общинах еретических движений (катары, анабаптисты, гуситы, движение Т. Мюнцера и др.). В «Век просвещения» идеи получили дальнейшее развитие и дополнились новым слагаемым – антихристианским: ненавистью не только к отдельным безнравственным представителям католического духовенства, но и к самой Христианской церкви. В итоге французские «просветители» (Дидро, Вольтер, Руссо, Монтескьё) подвели Францию к революции 1789 года, которая шла не только под лозунгом «свободы, равенства, братства», но и под лозунгом **уничтожения религии и христианской морали**. Ради установления «царства добродетели» революция закончилась кровавым террором якобинцев (Марат, Дантон, Робеспьер и др. – их именами названы улицы чуть ли не во всех городах России). В итоге, равенство так и не установилось (дело ограничилось перераспределением феодальной собственности в пользу буржуазии), а революция обошлась французам в 600...800 тыс. жертв (более точных данных нет) при 27-миллионном населении страны, что, конечно, не так много по сравнению с результатами Великого Октября в России, даже в процентном отношении.

Революция во Франции привела к активизации деятельности **социалистов-утопистов** (Сен-Симон, Фурье и др.), которых упомянул Ленин. Самой яркой фигурой был **Гракс Бабёф** (1760 – 1797), создатель коммунистического движения «во имя равенства», фанатичный сторонник абсолютного равенства людей, равенства любой ценой. Он обратил внимание на то, что все предшествующие мыслители описывали уже готовый социализм, а в ходе недавней революции увидел, что слишком мало людей готово добровольно отказаться от личных интересов. На основе этих размышлений Бабёф первым высказал идею: поскольку народ принять равенство не готов (а равенство, по плану его «Союза равных» должно быть покруче, чем в «Городе Солнца»), его следует насильно заставить, для чего необходимо временно, до полного «перевоспитания» народа, установить **диктатуру** (которую Маркс потом назвал «диктатурой пролетариата»), а после победы революции всю Францию огородить «колючими препятствиями».

Через 120 лет эту мысль конкретизировал член ЦК РКП(б) Н.И. Бухарин: *«Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».*

Среди источников марксизма Ленин не упомянул еще два: **масонство**, с идеями **разрушения государств и смешения наций**, и труды немецко-еврейского философа **Мозеса Гесса** – основателя немецкой социал-демократии, идеолога **интернационализма** и, одновременно, создателя идеологии сионизма (под интернационализмом легче прятать еврейский шовинизм). Русский революционер-анархист М. Бакунин называл Гесса «серым кардиналом», «создавшим Маркса».

Почти все приведенное выше положено в основу «**Манифеста коммунистической партии**» Маркса – Энгельса, а позднее и **Научного коммунизма**. Вот его основные тезисы:

– *Национализация частной собственности, включая земельную у крестьян. Ликвидация класса собственников-эксплуататоров. Все люди становятся равными, поскольку ничего своего не имеют. Маркс, понимая, что эксплуататоры свою власть и собственность добровольно не отдадут, писал: «...есть лишь одно средство укоротить, упростить, сконцентрировать убийственные смертельные родовые схватки старого общества, кровавые муки рождения нового общества; лишь одно средство — революционный терроризм»* (выделено мной – В.Г.).

– *Обязательный труд для всех, создание «промышленных армий, в особенности для земледельцев».* Как и в обычной армии, человек подлежит мобилизации и лишается личной свободы, лишается возможности не только выбора профессии, но и выбора места работы.

– *Общность жен.* Отсутствие семьи, отсутствие привязанности к семейному очагу – важный шаг к уничтожению индивидуальности людей, к стандартизации личностей, к более легкому подавлению их воли. Когда все в стаде, их легче пасти.

– *Общественное воспитание детей.* Лучший способ выращивания зомбированных людей и, к тому же, умственно неполноценных (о чем сказано выше). Эти люди будут преданны режиму и беспрекословно исполнять любые приказы и распоряжения.

– *Ликвидация законов, религии и нравственности как элементов буржуазных.* Нравственность не нужна, чтобы люди, не задумываясь и не задавали лишних вопросов при исполнении приказов. Религия не нужна, потому что она обращается к личности человека, прививает ему нравственные качества и призывает поклоняться «не тому» Богу («Религия есть опиум народа»). Законы не нужны, потому что они ограничивают желания и действия правящего слоя коммунистического общества. (Этот тезис в «Манифесте» изложен очень лукаво. В ликвидации законов, религии и нравственности коммунистов якобы обвиняют какие-то неизвестные оппоненты, но в ответе им Маркс с Энгельсом опровержения не дают, а лишь бросают встречные обвинения мифическим оппонентам. Вроде как «а ты кто такой?».)

– *Исчезновение национальных различий, а затем и самих наций* («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Преданность своей нации – один из природных инстинктов человека (наряду с инстинктом самосохранения и инстинктом продолжения рода), который легко перечеркивает любую «классовую солидарность». Национальный инстинкт исключительно вреден для организации «братства трудящихся всех стран», где никто ничем не должен отличаться от других, а потому он должен подлежать искоренению.

– *Ликвидация политической власти (государства) по мере построения бесклассового общества.* «С исчезновением классов исчезает неизбежно и государство». Мол, поскольку политическая власть нужна только для подавления одного класса другим, то при отсутствии классов и подавлять будет некого. Однако, кто будет управлять бесклассовым обществом, не сказано ничего, приходится предполагать, что это будет какое-то наднациональное (мировое) правительство.

Можно подвести итоги. **Цель «научного коммунизма» – создать из человечества безликое общество покорных людей**, аналогичное обществам Платона и Кампанеллы, лишенных индивидуальности, национальных корней, семьи, своих детей, даже права свободного выбора работы; общества, в котором эксплуатация капиталистами заменена эксплуатацией центральной властью; общества, управляемого наднациональным правительством по его собственному произволу.

«Научный коммунизм» – это программа заговора против человечества и, одновременно, инструмент для захвата власти мировыми заговорщиками. Инструмент – тщательно продуманный. Ставка в нем сделана на «классовую борьбу» и на орудие борьбы – пролетариат, ибо пролетариат являет собой ту часть общества, которая, во-первых, плотно сконцентрирована в городах, и, во-вторых, не имеет собственных средств производства (в отличие от крестьян или ремесленников – не зря Маркс называл их самыми контрреволюционными слоями общества), а потому легче всего поддается агитации и пропаганде и легче всего организуется в ударную силу.

Здесь возникает вопрос: в чем же разница между социализмом и коммунизмом, ведь при социализме уже ликвидирован класс эксплуататоров? Разница в том, что после социалистической революции остается много людей (если не большинство), не желающих дружно идти в концлагерь. Нужно их перевоспитывать или уничтожать. Для этого и придумана **«диктатура пролетариата»**, т.е. диктатура революционных вождей и их карательных органов, замаскированных словом «пролетариат». Диктатура и призвана силой загонять народ в концлагерь, а тех, кто сопротивляется, – истреблять. Как сказал Л. Троцкий, «Революция убивает единицы, устрашает тысячи, сламывая их волю». При коммунизме, когда лагерь уже сформирован и укомплектован, прежние функции

диктатуры отпадают. Ей остается только следить за соблюдением лагерного режима (об этом и написано в книгах Платона, Т. Мора и Т. Кампанеллы).

После революционных потрясений в Европе в 1848 – 1849 гг. («Манифест» Маркса – Энгельса был опубликован в 1848 г.) и в связи с созданием I Интернационала (1864 г.) канцлер Пруссии О. Бисмарк сказал: *«Если вы хотите построить социализм, выберите страну, которую не жалко».*

В 1917 году выбрали Россию. Космополиты-русофобы (большевики) во главе с Лениным и Троцким совершили переворот и установили в ней социалистический строй. Однако не все у них пошло по учебнику Маркса – Энгельса. В результате за весь короткий (по историческим меркам) срок своего существования этот строй претерпел ряд существенных метаморфоз.

В первом, **«ленинском» периоде** (1918 – 1922 гг.), коммунисты рьяно взялись за выполнение заветов Маркса. Главные события этого периода:

- захват реальной власти в стране инородцами; отведение России роли «передового отряда мирового пролетариата», т.е. поставщика пушечного мяса для «мировых революционных боев» («Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»), а самой стране – будущего поставщика сырья для передовых стран Европы, где победит социализм;

- национализация промышленности, банков, железных дорог, торговли, отмена денег и т. д., то есть уничтожение частной собственности и эксплуататорского строя;

- кровавая расправа с царской семьей; красный террор с истреблением образованного слоя нации; церковный погром с уничтожением духовенства и храмов, надругательство над русской культурой и традициями, оголтелая русофобия;

- военный коммунизм с продразверсткой и попыткой насаждения крестьянских коммун;

- гражданская война, разруха в экономике, обесценивание денег; непрекращающиеся восстания крестьянства и «гегемона революции» – пролетариата; массовый голод; 2 миллиона эмигрантов;

В итоге – 13 (по другим оценкам 19) миллионов жертв и 6 миллионов беспризорных детей-сирот.

Этот период часто называют Первым русским холокостом (или Первым русским геноцидом). В дополнение ко всему, по требованию Ленина в 1922 году страну раздробили на несколько республик с правом выхода каждой из союзного государства. Еще в январе 1918 года он предложил Украинской раде (совету), когда та даже и не помышляла о выходе из состава России, создать независимую Украинскую советскую республику.

Однако с внедрением «научного коммунизма» дело не заладилось – с коммунарами, с общими женами, с трудовыми армиями ничего не получилось, да и управление хозяйством оказалось делом куда более сложным, требующим ума и знаний, чем организация государственного террора, а надежды на солидарные революции в Европе растаяли, как мартовский снег. И коммунисты отступили – «всерьез и надолго, но не навсегда», а до новых революций в Европе, провозгласив НЭП (новую экономическую политику), т.е. частичный возврат к капитализму.

Главные события **периода НЭПа**, продолжавшегося с 1923 до 1929 года,

- приостановка массового террора;

- частная торговля, частное мелкотоварное производство и госкапитализм на крупных предприятиях; улучшение обстановки с продуктами питания и товарами первой необходимости; восстановление промышленного производства до уровня 1913 года, выполнение плана ГОЭЛРО, начало строительства крупных объектов (Сталинградский тракторный, ДнепроГЭС и др.);

- борьба за власть между Троцким, Зиновьевым и Сталиным, завершившаяся победой Сталина;

– продолжение государственная политика русофобии, агрессивные нападки на русскую культуру, историю и Православную церковь, а идеи общих жен и трудовых коммун продолжали гулять в головах наиболее продвинутых коммунистов (Г. Зиновьева, Н. Крупской, А. Коллонтай и др.) и, особенно, комсомольцев.

Однако и здесь большевики умудрились наломать дров. В конце этого периода они установили столь низкие закупочные цены на зерно, мясо и молоко (притом что промышленные товары продавались по очень высоким рыночным ценам) и столь высокие налоги на основных производителей продуктов питания («кулаков»), что крестьяне отказывались продавать свою продукцию государству, стали сокращать посевы и вырезать скот. В городах опять началась острая нехватка продовольствия.

Следующим был «**сталинский**» период (1929 – 1953 гг.) – утверждение идеи «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» (наперекор мнению Энгельса и Ленина и вопреки позиции членов Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева), т.е. государственное строительство в самой России, свертывание НЭПа и возвращение на социалистический путь. Если «ленинский» период был самым черным в советской истории, НЭПовский – «серым» (не было особо радостных и особо драматических событий), то «сталинский» – самым контрастным. В нем было много всего – и темного, и светлого.

– Установлен полный запрет на выезд из страны, за исключением служебных поездок, введена жесткая цензура и полностью ликвидирована свобода слова, не говоря уже о свободе печати и собраний. За критику власти – статья 58.18 УК РСФСР (ее нынешний аналог – ст. 280.3 УК РФ, правда, с более мягким наказанием).

– В 1929 – 1933 гг. – Второй русский холокост, с истреблением недобитой части русской интеллигенции, офицерства (в т. ч. военспецов), вторым церковным погромом (гонения на церковь были ослаблены только перед Великой Отечественной войной), закрепощением крестьян насильственной коллективизацией и последующим голодом, унесшим 5 млн. человек. (По словам Сталина, записанных Черчиллем, «было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками»).

– В 1937 – 1938 гг. – массовые политические репрессии, в которых невинных пострадало намного больше, чем действительных врагов государства, и которые породили обстановку страха в стране. (В годы войны страх дал двоякий результат: с одной стороны, он сковывал инициативу командиров и приводил к большим напрасным потерям в начале войны, с другой – повысил персональную ответственность руководителей всех уровней.)

– Возведение Сталина в непререкаемый авторитет, в культ божества, следствием чего стало, с одной стороны, небывалое сплочение народа вокруг вождя, с другой – угодничество на верхних этажах власти, наносившее вред государственным интересам, а с третьей – излишняя самоуверенность вождя (что имело особенно негативные последствия в первый период войны).

И в то же время...

– Возрождение величия Российского государства (СССР), изгнание из руководства страны космополитов-русофобов («интернационалистов», «5-й колонны»), противников возрождения.

– Отказ от коммунистической уравнилельной системы оплаты труда (за что Троцкий назвал Сталина предателем дела революции). Отказ от идеи общественного воспитания детей и официальное признание семьи первичной ячейкой общества. С 1934 г. (вскоре после прихода Гитлера к власти в Германии) прекращение государственной политики русофобии, частичный возврат к традиционной русской культуре, более уважительное отношение к русской истории. (Тем не менее социально-экономическая дискриминация русского народа продолжалась все годы Советской власти.)

– Всенародный энтузиазм при осуществлении «сталинских пятилеток», небывалый всплеск духовной энергии народа. Гигантский рывок в области промышленности, науки и

образования, подъем на 2-е место в мире по объему промышленного производства, обеспечение экономической самостоятельности и независимости. Ликвидация безработицы.

– Безотказно действующие социальные «лифты» (дети рабочих и крестьян становились инженерами, врачами, учеными). Высокий уровень профессионализма, ответственности и инициативности управленцев (от начальников цехов до наркомов-министров).

– Успехи в социальной сфере – бесплатная медицина, всеобщее образование, почти бесплатное дошкольное воспитание. Подъем к концу 1930-х гг. жизненного уровня народа (хотя по меркам Европы и, особенно, США, основная часть населения жила в крайней бедности).

Поступательное движение страны прервала война 1941 – 1945 гг., сопровождавшаяся трагическими ошибками высшего руководства в 1941 – 1942 гг. и с сокрушительными победами в 1943 – 1945 гг. Война стала Третьим русским холокостом с колоссальными жертвами, которые наш народ положил на алтарь Победы. Их точное число (21 или 27 млн. человек) до сих пор вызывает споры. Большие жертвы были неизбежны, но в *столь* больших была и немалая вина власти. Война показала неоспоримые преимущества централизованно управляемой государственной экономики, которую можно было быстро мобилизовать на решение самых трудных и непрерывно меняющихся задач. Эти преимущества, помноженные на самоотверженность всех слоев населения, проявились и в послевоенные годы при восстановлении разрушенного хозяйства, когда страна совершила воистину экономическое чудо и обрела статус второй державы мира.

Особенно яркой стороной той эпохи было то, что весь народ, от низов до самых верхов, был мобилизован на решение общенациональных задач, охвачен общенациональными идеями. Вначале – «Пятилетка в четыре года!», «Догнать и перегнать!», потом – «Наше дело правое, победа будет за нами!», потом – «Восстановить разрушенное хозяйство!». Не зря страну того периода называют военным лагерем, а экономику – мобилизационной.

Подводя итоги «сталинскому социализму», отметим, что он во многом повторил социализм древности, и от «научного коммунизма» Маркса в нем мало чего осталось, – только национализированные финансы и экономика (да и то не вся – были еще колхозы и промартели) и обязательный общественный труд для всех взрослых (кроме домохозяек и студентов). Труд был свободным для горожан (исключая последние 13 лет, когда самовольный переход с одного места работы на другое без разрешения начальства был запрещен), крепостным для крестьян (в 1930-е гг. в ходу была ядовитая расшифровка: «ВКП(б) – это Второе Крепостное Право (большевиков)») и рабским для заключенных.

После смерти вождя сталинская социально-экономическая модель, постепенно меняясь в сторону либерализации, в целом сохранилась вплоть до Горбачева (пришедшего к власти в 1985 г. со своим штатом «советников» – американским и английским послами, членами Политбюро Яковлевым и Шварцманом да собственной женой Раисой Максимовной).

В послесталинский период прекратились массовые политические репрессии, смягчились наказания за политическую неблагонадежность, стало ослабевать чувство страха (можно было даже вслух – не с трибуны, разумеется, – высказывать критические мысли относительно ввода войск в Афганистан), получили свободу крестьяне. Больше внимания уделялось социальным нуждам народа (развернулось строительство массового жилья и объектов «соцкультбыта»). С 1970-х гг. более терпимым стало отношение к Русской Православной церкви. Был разрешен выезд за границу (это была ошибка, которую не допускали даже теоретики социализма, чтобы не дать возможности «соляриям» и «утопийцам» сравнивать свою жизнь с жизнью других). Страна заняла

передовые позиции в мире во многих областях искусства, науки и техники, а по военной мощи достигла паритета с США.

Но... Продолжалась нехватка продуктов питания и товаров народного потребления. Усиливались национал-сепаратистские настроения в союзных республиках. Продолжались попытки создания культов личностей с неизбежным спутником – холуйством. Главное – не стало общенациональной (государственной) идеи, сплачивающей все народы страны. Как результат, усиливались коррупция и расслоение общества, процветало кумовство (в просторечье, «блат»). Расслоение было и при Сталине, но расслоение не антагонистическое – все слои работали на благо государства. В брежневское время чиновничество (партийное, советское, хозяйственное) постепенно становилось особой кастой («проклятой кастой», по выражению Сталина), отрывающейся от народа и замыкающейся на своих кастовых интересах (хотя, конечно, то чиновничество – «детский сад» по сравнению с нынешним). Если партия (ВКП(б) – КПСС) при Сталине была, по его выражению, «орденом меченосцев», сплоченных железной дисциплиной и высокими целями, то при Брежневе она превратилась лишь в средство карьерного роста. В итоге, происходило моральное разложение, коррозия партии – стержня социалистического государства. В конце концов, стержень настолько проржавел, что потом легко сломался, а вместе с ним рухнуло и государство.

Причин крушения СССР много, они составляют длинный список. Но одну, едва ли не главную, назвать стоит. Русский народ, государствообразующий народ, имперский народ, вынеся на своих плечах запредельную государственную нагрузку и понеся небывалые жертвы, попросту надорвался. В самой богатой стране мира он продолжал жить бедно (беднее всех других народов страны) и к будущему «земному раю» – коммунизму стал относиться с насмешкой, как к пучку сена перед мордой осла. Он перестал верить власти. Он устал от того социализма, потому не стал его защищать и оказался легко обманутым безродными космополитами-либералами.

Верили ли в построение коммунизма сами советские вожди? Сталин безусловно верил, иначе в конце жизни не написал бы работу «Экономические проблемы социализма в СССР», где поставил задачу о ликвидации остатков коллективной собственности (колхозов и кооперативов), о ликвидации денег и о переходе на прямой товарообмен – по образцу древних царств и по заветам Маркса. Самый популярный лозунг его времени: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед к победе коммунизма!».

Хрущев тоже верил, и тоже безусловно, иначе не учинил бы третий церковный погром, не ликвидировал бы промартели. не повел бы дело к замене колхозов совхозами и не провозгласил бы в 1961 году с трибуны XXII съезда партии, что через 20 лет советский народ будет жить при коммунизме (в связи с чем был даже написан «Моральный кодекс строителя коммунизма», отчасти повторивший заповеди Иисуса Христа).

А вот о Брежневе сказать трудно. Возможно, и верил – как во что-то очень далекое и неконкретное. Его больше интересовали текущие практические вопросы – военная и экономическая мощь и международный авторитет страны, да еще устойчивость собственного кресла, хотя в его время и был распространен лозунг «Коммунизм – наша цель!» (но одновременно, чтобы оправдать низкий жизненный уровень народа, подспудно насаждался лозунг: «Всё вынесем, лишь бы не было войны!»). Во всех вузах стал обязательным словоблудливый предмет под названием «Научный коммунизм». В действовавшей программе КПСС (принятой в 1961 г. еще при Хрущеве и сильно похожей на произведение из жанра фантастики) строительство коммунизма являлось главной задачей партии, а страна, по утверждению агитпропа, вступила в новоизобретенную стадию «развитого социализма» (чем он отличался от предыдущего, никто толком сказать не мог). Тогда же было торжественно провозглашено, что «родилась новая историческая общность – советский народ», хотя национал-сепаратизм в союзных республиках уже набирал большие обороты.

Сегодня многие (и автор, в том числе) испытывают ностальгию по тем временам, вспоминая со светлой грустью хорошее и забывая плохое – в этом и заключается ностальгия. Думается, однако, что ностальгия эта вызвана не столько любовью к социализму, сколько сравнением с днем сегодняшним. Сравнением могучего, экономически независимого СССР с урезанной, ослабленной и униженной РФ, ставшей сырьевым придатком промышленно развитых стран. Сравнением социальной справедливости, пусть и далеко не совершенной, с издевательским социальным расслоением сегодня. Сравнением той коррупции, когда за серьезными преступлениями следовали жестокие наказания, с нынешней, когда казнокрады, наворовавшие десятки миллионов, выходят сухими из воды. Сравнением взаимно доброжелательных отношений русского и других народов страны с нынешней озверелой русофобией этих народов. Сравнением лучшей в мире системы образования с нынешней «болонской». Сравнением лучшей в мире системы здравоохранения с нынешней «рыночной». Сравнением высокого искусства с нынешним дешевым «ширпотребом». Сравнением открытости людей того времени с замкнутостью и скрытностью людей нынешних. И воспоминанием о главном достоинстве того времени – уверенности в завтрашнем дне. Всё, как в афоризме Козьмы Прутков: «Что имеем, не храним, потерявши, плачем».

Нынче, когда в средствах массовой информации (неправительственных, конечно) иногда возникают дискуссии по вопросу о возрождении социализма, стоит все-таки подумать о том, какой социализм мы хотим – ленинский, сталинский, брежневский или Империи инков? А если что-то выбирать, то вместе с достоинствами придется брать и недостатки. По-другому не получится. Очень трудно «губы Никанора Ивановича приставить к носу Ивана Кузьмича». Идеальных общественных систем не бывает – «у каждой медали две стороны». И еще надо помнить о «человеческом факторе», который может возвысить, а может и опорочить самые лучшие намерения и самые теоретически правильные построения, учитывая, к тому же, что этот «фактор» имеет обыкновение злоупотреблять нашей национальной чертой – запредельным терпением.

Валерий Габрусенко